

РОНАЛЬД НОКС

Рональд Нокс — один из ярчайших представителей золотого века английского детектива, автор широко известных «Десяти заповедей детективного романа», ставших кодексом клуба мастеров английского криминального романа — Детективного клуба, основанного им вместе с Агатой Кристи, Гилбертом Честертоном, Дороти Л. Сэйерс и Энтони Беркли.

РОНАЛЬД
НОКС

СЛЕДЫ НА МОСТУ

ТЕЛО
В СИЛОСНОЙ БАШНЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Н79

Серия «Золотой век английского детектива»

Ronald Knox

THE FOOTSTEPS AT THE LOCK
THE BODY IN THE SILO

Перевод с английского *Е. В. Шукшиной* («Следы на мосту»),
Н. В. Рейн («Тело в силосной башне»)

Серийное оформление
и компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Публикуется с разрешения наследников автора
и литературных агентств United Agents LLP
и The Van Lear Agency LLC.

Нокс, Рональд.

Н79 Следы на мосту. Тело в силосной башне : [романы] /
Рональд Нокс ; [пер. с англ. Е. В. Шукшиной,
Н. В. Рейн]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. —
480 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-092737-1

Найджел и Дерек, два кузена, с детства недолюбливавшие друг друга, отправились на лодочную прогулку... с которой вернулся только один из них — Найджел. Полиция не верит его сбивчивому рассказу о таинственном исчезновении Дерекка и считает, что молодой человек — убийца, неумело пытающийся скрыть свое преступление. Но Майлз Бридон и его супруга Анджела вовсе не склонны безоговорочно признавать Найджела преступником. Что, если он не лжет и исчезнувший Дерек по-прежнему жив? А если и мертв, то почему в его смерти непременно надо винить кузена?..

Талантливый детектив Майлз Бридон и его «доктор Ватсон в юбке» — жена и ассистентка Анджела — приготовились вежливо скучать в загородном доме недавних знакомых, типичных нуворишей, пытающихся освоиться в обществе. Однако их скука быстро рассеялась, когда одного из гостей, политика Уорсли, обнаружили мертвым в силосной башне во время шуточной гонки на автомобилях.

Самоубийство? Несчастный случай? Или все-таки циничное, расчетливое преступление? Но у кого из пестрой компании могли быть достаточно веские мотивы, чтобы избавиться от симпатичного и любезного Уорсли?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Lady Magdalen Asquith, 1928, 1933
© Перевод. Е.В. Шукшина, 2016
© Перевод. Н.В. Рейн, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-092737-1

Примечание для читателей

В соответствии с духом «честной игры», очевидным в его декалоге, или десяти заповедях детективной литературы, автор вводит в повествование ряд дополнительных сведений ближе к концу романов и к развязке их сюжета, направляя читателя по цепочке подсказок.

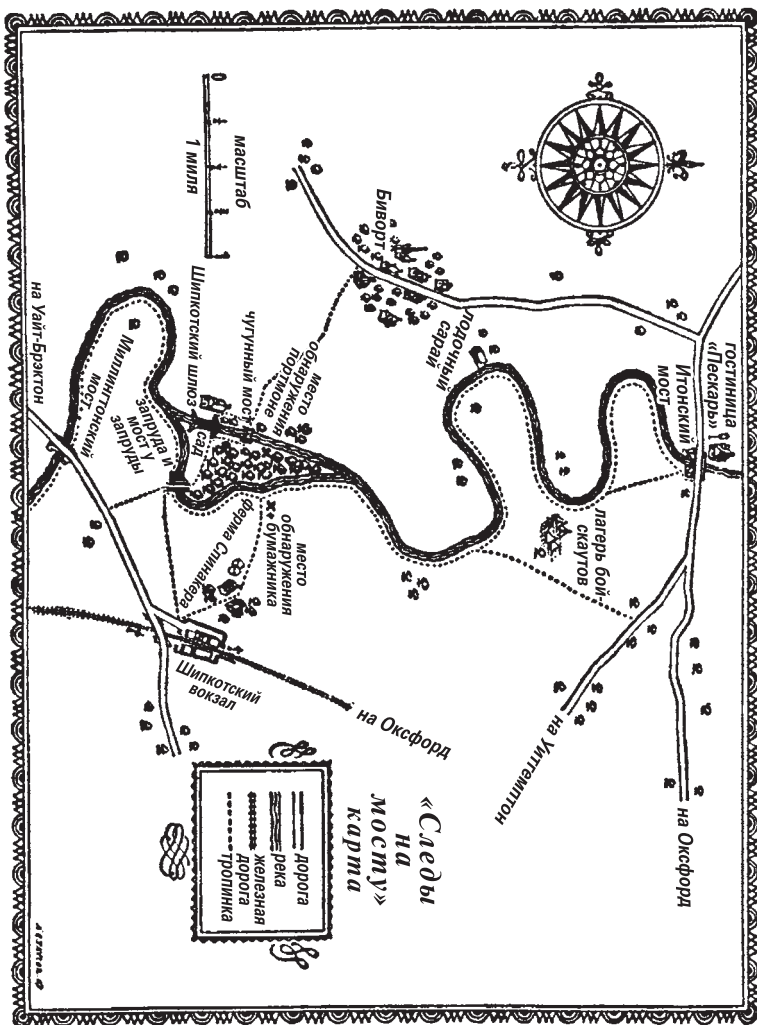

СЛЕДЫ НА МОСТУ

Глава 1

КУЗЕНЫ

Постулат естественной этики, наделяющий человека правом перед смертью распорядиться своим имуществом, никто не оспаривает, однако же он немало озадачивает. Умиравшему имущество уже ни к чему — ни родовые акры, ни тяжким трудом добытые тысячи, ни одно из посаженных им деревьев, кроме мрачного кипариса, не последуют за своим недолговечным владельцем. И тем не менее покуда правая рука и рассудок действуют слаженно, небрежный росчерк в конце завещания может обеспечить достаток бедняку, лишит наследства мота, а также во имя бесконечно разнообразных бесполезных или экстравагантных целей выбросить состояние на ветер. Самому человеку от этого проку никакого — правда, во время оно бытовала теория, что по ту сторону могилы человеку будет веселее, если он толково распорядится своими средствами здесь, но ее уже давно отменили, — итак, человеку от этого проку никакого, зато немалый для истомленных ожиданием племянников и племянниц, для обществ спасения на водах, кошачьих приютов, а также казны, которой жалкие налоги на наследство не дают дышать полной грудью. И все эти страждущие во власти умирающего. Однако же прописи единодушно уверяют нас, что от денег на свете больше вреда, чем пользы. Почему же мы

предоставляем чинить этот вред тому, кого *ex hypothesi** уже не будет, когда наступит черед последствий?

Подобные сомнения, чисто методологического свойства, породило завещание сэра Джона Бертела, довольно заметного в свое время, то есть в последние годы правления королевы Виктории, адвоката. Вскоре после смерти великой монархини осмотрительный джентльмен, не испытывая политического зуда и не претендуя на титулы, ушел в отставку, предоставив своим сыновьям, Джону и Чарльзу, находившимся тогда в самом расцвете, полную свободу действий. Сэр Джон был крепкого корня, кроме того, равнодушен к сельским уладам, так что унесли его не годы, а жестокая эпидемия инфлюэнцы, вспыхнувшая в 1918 году. К этому времени оба его сына уже сошли в могилу. Оба получили офицерский чин в 1915 году, оба два года спустя погибли. Жена Джона тоже умерла довольно давно, а привязанность старика к вдове Чарльза несколько охладела после того, как она вторично выйдя замуж, переехала в Соединенные Штаты. А потому по завещанию, вокруг которого разворачивается эта история, основная часть его состояния, около пятидесяти тысяч фунтов, переходила к старшему внуку Дереку, а в случае смерти последнего — к сыну Чарльза, Найджелу.

Можно бы решить, что старик просто посмеялся над законниками — ибо разве это завещание? Однако некоторые положения документа придавали ему немалую важность. Завещатель рассудил, что обоим внукам, один из которых являлся сиротой, а другой остался без отца, да, почитай, и без матери, придется взрослеть без родительского надзора во времена великого разброда и шатаний. И пятьдесят тысяч (составлявших не все

---

* Предположительно (*лат.*).

наследство, но основную его часть) он весьма мудро передал под контроль попечителей до того дня, когда Дереку (или, за отсутствием его, Найджелу) исполнится двадцать пять лет. Пока же мальчишки были редкими гостями в доме деда, да и едва ли желанными; до срока усвоенная ими скучающая манера раздражала старика тем сильнее, что в ту пору почиталась общепринятой. Возможно, характер внуков — по принципу отторжения — сформировался под влиянием осточертевших громов и молний по адресу политики, искусства, морали, религии. Дерек в основном жил на юге Франции у старых друзей семьи, которые ни в чем его не стесняли, легкомысленно извиняя себя тем, что «у мальчишки все равно будут деньги». Найджелу, у которого после замужества матери не сложились отношения с новой родней, едва ли жилось лучше: он чувствовал себя изгнанником дома, недооцененным бунтарем в школе и, питая трогательные иллюзии относительно собственной оригинальности, ударился в эстетство.

Виделись кузены редко, что до, что после смерти деда; характер обоих не располагал к тому, чтобы они стремились к совместному времяпрепровождению. Они учились в разных школах, которые я не собираюсь называть — ведь нынче у школ имеется репутация, которую недолго и потерять. Но у Оксфорда, хотя его критики в последнее время неласковы, слишком мощные тылы, чтобы он нуждался в защите анонимности. Оба поступили в более почтенного возраста университеты, оба в колледж Симона Волхва*. Отсев при принятии в колледж — тайна, каковой и должно являться избрание, но два года, бездарно проведенные там Дерекком,

---

* Колледж Симона Волхва — вымышленное учебное заведение. — *Здесь и далее примеч. пер.*

могли бы заставить преподавателей задуматься о том, стоит ли рисковать и ставить эксперимент теперь уже с Найджелом. Правда, Дерек был обычным человеческим существом, хоть и склонным к меланхолии и экстравагантным до идиотизма; его отличала также неизменная регулярность в приобретении положения риз. Нужно признать, ничто в нем не предвещало нестерпимой аффектации Найджела.

Беспутство Дерекса было отмечено той убогой, неповоротливой фантазией, которая может инфицировать молодежь в любом столетии. Если он без удержу предавался азартным играм, то лишь потому, что никто не удосужился ознакомить его с другими способами убить время до достижения двадцати пяти лет. Если напивался, то с поспешностью глупца, стремящегося забыть и скрыть собственную скучность. Его костюм, манеры, приятели — все было из лошадиного мира, но вкуса не было ни к лошадям, ни к умению на них ездить, только ржал он иногда, как лошадь. Юноша беспрерывно конфликтовал с деканом. Однако в его беспорядочности просматривался порядок: заранее было точно известно, когда он напьется и до какой стадии, а ведь научные головы ценят систематичность в любой сфере. Для устройства бесчинств Дерексу не хватало мозгов; чтобы носить камень за пазухой, он был слишком ленив (так казалось); штрафы, запреты покидать территорию колледжа, временные отчисления он принимал с благодушием школьника, который «умеет переносить наказания». Он не доставил университету особого беспокойства, и, возможно, за все время пребывания там у него не было ни одного врага за исключением двоюродного брата.

Восприимчивость Найджела была куда острее, а прегрешения куда менее простительны. Он рос

в послевоенное, пораженное утратой иллюзий время и всматривался в мир мужей (в особенности школьных учителей), которые сражались и истекали кровью ради простых эмоций, с подавленной ревностью, в конечном счете принявшей форму обиды. Им представился случай, в котором было отказано ему, полностью раскрыть возможности, предоставляемые мужским началом. Оплакивая упущенное, Найджел утешался тем соображением, что игра не стоила свеч. Его обидчики были рождены для того, чтобы навести в мире порядок — он мстил за проклятую злокозненность позднего рождения, всеми силами пытаясь снова поставить его с ног на голову. Он бунтовал против всего, перед чем безропотно склоняло голову общество; бунт его принимал всевозможные формы — отчаянно безвкусные, набившие оскомину. У него не было иной цели, иного идеала, кроме как поражать ближних. В школе у него хватило ума держать ухо востро и прятать свои меланхолические стишки, которыми он мстил недостойному окружению, получая тайное удовлетворение от замолчанной иронии. Его звали чокнутым, и он, подобно Бруту, с наслаждением выжидал свое время*.

Из древних традиций, лелеемых Оксфордом, пошлее всего эстетство. В каждом поколении представители узкого круга по одним и тем же старинным рецептам, не жалея масла, заваривают разнообразные каши, с замиранием сердца ощущая себя одинокими первооткрывателями (ведь студенческая память недолговечна, жить ей всего-то три года). В школе Найджел читал Оскара Уайльда и, не умея оценить составляющую их очарование ироничную сдержанность, немилосердно воровал эпиграммы у Саки. Своим гостям он предлагал

---

* Тит Ливий, «История Рима от основания города».